

УДК 128/129
DOI: 10.17223/1998863X/39/8

Н.А. Борисов

ОБЩЕСТВО БЕЗ СМЕРТИ, ИЛИ ГЕГЕМОНИЯ СОЦИАЛЬНОГО

Рассматривается тенденция современного общества к ускорению темпа жизни. Острая нехватка времени формирует новый облик общества, в котором нет места смерти. Формы социального освоения пространства расширяются. По мере ускорения темпа жизни и роста в человеке социального на смерть накладывается табу, преодоление которого ставит в маргинальное положение тех, кто с ней соприкасается.

Ключевые слова: *смерть, социальное, время, бессмертие, старость.*

Научно-техническая революция XX в. кардинально изменила облик общества и человека. Техника освободила людей от многих рутинных занятий, предоставив возможность творческого исследования жизни. Но в то же время возросла зависимость от техники, которая становится следствием нежелания распорядиться временем жизни и свободой. Такая ситуация порождает *социальный эскапизм* – бегство от реальности в сферу социального, которое полностью овладевает жизненным миром человека. Технократический образ жизни современного горожанина завоевывает окончательную победу, увеличивая потребность в социальных связях, поверхностном общении и аккумулируя многочисленные потоки информации. Последнее вызывает бессодержательную активность, под которой мы понимаем необходимость постоянной концентрации на множественных источниках информации и отсутствие возможности качественного использования хотя бы одного из них. Это приводит к общей рассредоточенности – невозможности долгое время концентрироваться на чем-то конкретном, повышая уровень раздражительности и агрессии внутри общества.

Проблема исследования заключается в том, что в условиях ускорения темпа жизни социальная реальность становится фрагментарной, но ее фрагменты не образуют целостную картину, которая еще менее устойчива и постоянно изменяется. Фрагментированное общество заметно меняет свой облик и не соответствует социально-философским и социологическим представлениям XIX и XX вв. Оно углубляет пропасть между городом и селом, центром и периферией. Доминирование города и центра характеризуется распространением «статусной диффузии» (социальный статус становится неустойчивым) и тенденцией к массовизации, когда отдельный человек, вынужденный постоянно увеличивать потребление, теряется среди других людей. Он находит себя только в акте потребления и в ряду таких же потребителей, к которым проявляет формальный интерес. Рост отчуждения людей в социальном пространстве приводит к табуированию смерти, создавая вместе с тем притягательный ореол вокруг темы смерти, активизируя суицидальное поведение.

Избранная тема пользуется заслуженным вниманием многих философов и социологов, интересующихся изменениями, происходящими в восприятии социальной реальности, а также социальными аспектами смерти и умирания. Э. Дюркгейм впервые выявил связь суицидального поведения с потерей четко определенной социальной идентичности, отсутствием стабильной системы социального взаимодействия [1]. Э. Тоффлер говорит об образовании «клиповой культуры», в условиях которой в спектр восприятия человека входят множественные яркие образы, комфортные для определенного склада ума [2]. На фоне роста влияния различных социокультурных факторов на жизненный мир людей, по мнению Л. Тома [3], Э. Морэна [4], Х.Ф. Мора [5], на смерть накладывается табу. Ф. Арьес, интересуясь изменениями в психологических установках относительно смерти, характеризует современное отношение к смерти как «медиализацию», при которой она становится исключительно «больничным феноменом», уходя из повседневной жизни [6. С. 483]. С. Левин и Н. Скотч рассматривают медиализацию как способ защиты общества от трагедии смерти [7]. Л. Бюзьер на примере собранных эмпирических данных в Канаде показывает, что «ритуалы смерти» движутся по направлению большего социального разнообразия в обход религиозным нормам и традициям [8].

Остается выяснить, как представления о смерти влияют на общественное пространство и связаны с эволюцией социального: от коллективного к личному, а затем от личного к массовому. Все, что сегодня можно отнести к личному, в большинстве случаев совпадает с социальным, которое подразумевает массовое. Причем возникает парадокс: социальное имеет привилегированное положение, и незнакомые друг с другом люди постоянно скапливаются вокруг чего-либо, в том числе и смерти, представленного в качестве события, но заметна неспособность дружественной кооперации, о которой говорили Ж.-Ж. Руссо [9], П.А. Кропоткин [10] и др. Основа власти социального в его современном понимании – массовость, тогда как кооперации – общность и солидарность.

Современному человеку приходится постоянно вступать во взаимодействие с незнакомыми людьми, образовывать временные анонимные союзы потребителей, причем стирается грань между материальными и духовными продуктами. Сегодня мы уже не можем говорить об обществе как дифференцированном целом, но только о совокупности масс, образующихся стихийно вокруг тех или иных потребностей. Вне актов потребления общность становится излишней. Х. Ортега-и-Гассет считает, что в представлениях об обществе заметен переход от количества к качеству, от толпы к социальной массе, выражающий усредненность взглядов, мыслей, чувств [11. С. 17–18]. Массы приобретает свою онтологическую значимость, но обладает лишь одним признаком – постоянным социальным движением.

Гипотеза состоит в том, что социальное в современном обществе имеет почти безграничную власть, поскольку есть лишь одно событие в общественной жизни, которое останавливает движение, и это событие – смерть. У массового человека обострение сознания смертности происходит в связи с угрозой жизни, когда на передний план выходит ценность безопасности и ликвидация факторов, способных нарушить комфорт социального бессмер-

тия как аналога личного, утратившего свою значимость. Поэтому масса по своей природе агрессивна, ей всегда приходится защищаться от деструктивного социального влияния меньшинства и увеличивать свою активность в борьбе за доминирование в общественном пространстве.

Для проверки гипотезы мы используем *метод феноменологической редукции и интенционального анализа*, опираясь на проект классической субъективной феноменологии Э. Гуссерля и объективной феноменологии А. Бадью, что позволяет сохранять теоретическую и нравственную нейтральность в исследовании проблемы смерти. Феноменологическая редукция «выносит за скобки» готовые подходы к определению социального, психологическое содержание отношения к смерти. Применяя интенциональный анализ, под *социальным* мы понимаем многообразие связей и отношений, направленных на других людей и способных влиять на пространство жизненного мира, одно из ключевых событий которого – смерть. Феномен смерти изучается в контексте этих направленностей или «социальных интенций», количественный рост которых становится всё более заметным.

Социальное бессмертие и эксперименты с реальностью

Сегодня всё больше распространяется мнение о том, что общество находится в кризисном и болезненном состоянии. Оно связывается с низким моральным развитием членов общества, отсутствием четко определенных правил и норм в функционировании тех или иных институтов (кризис семьи и брака), апатии по отношению к традициям и т.п. На наш взгляд, это следствие замены идеи личного бессмертия на социальное в условиях катастроф и проблем, которые принес с собой XX в., – мировых войн, роста социальной напряженности и технократизации. Под *социальным бессмертием* мы понимаем социально-психологическую установку на непрерывную социальную активность и продуктивность, которые способствуют убежденности в преодолении смерти, причем одновременно осознается мнимость такого бессмертия, поскольку никто не освобожден от физической смерти. Социальное бессмертие – это аналог личного, как результат распространения нигилизма и безразличия по отношению к посмертной судьбе в условиях тех ужасов, с которыми людям пришлось столкнуться в XX в. и что нашло выход в переживаниях людей XXI в., предпочитающих реальность социального эскапизма возможности построения идеального общества (демократического, коммунистического).

Ж. Бодрийяр говорит о том, что в современности социальное начинает распространяться настолько, что полностью овладевает реальностью. Смерть остается последней связью человека с реальностью, его способом возвращения в неё. Современное общество наполнено «мертвым трудом» (труд не производит, а социализирует), «мертвыми бюрократическими связями» (раздутый бюрократический аппарат) и «мертвым языком» (упрощение языковых структур). Социальное в лице политики и экономики постоянно воспроизводит смерть, управляет мертвыми отношениями между людьми – обезличенными связями [12. С. 80–81].

Образование нового представления о социальном связано с развитием социальных представлений о смерти, в частности их религиозного компонента. Например, религиозное сознание западных европейцев прошло сложную эволюцию в отношении приоритетных событий в эсхатологии: всеобщий суд и коллективное спасение (раннее Средневековье); индивидуальный суд и личное спасение (конец Средневековья); вера во встречу с любимыми на небесах (эпоха романтизма). Последнее доминировало до современности, где почти полностью утрачивается вера в личное бессмертие и, следовательно, во встречу после смерти. Об этом свидетельствует угасание традиции «личных завещаний», содержание которых было наполнено надеждой на продолжение жизни (определялся порядок заупокойных служб); заброшенность кладбищ, которые перестают быть частью публичного пространства (потеря связи между поколениями); уменьшение длительности траура и снижение степени его эмоционального проявления (отсутствие плакальщиц).

С утратой веры в личное бессмертие начинают распространяться новые формы социального освоения пространства – «социальные эксперименты» с реальностью. Если люди лишены *memento mori* – «памяти о смерти», прижизненных размышлений о конечности всего сущего, то к индивидуальному сознанию предъявляются требования по творческой активности и образованию новых форм длительности, что мы называем *социальным экспериментированием*. Семья, исчерпавшая себя как форма, разрушается, а общие дети больше не являются основой её устойчивости. Такой подход полностью отражает всю кризисность ситуации в обществе, которое, ускоряя темп времени, увеличивает и количество созданных форм. Современные мужчины и женщины избавлены от груза ответственности за пожизненный брак или примирения с необратимыми, как им кажется, недостатками супруга. Они имеют право выбирать, а разочаровываясь, менять свой выбор. Свобода творения форм избавляет от фатума, временной беспомощности. Само понятие судьбы выглядит анахронизмом при описании современной социальной реальности. Вызывает сомнение совместное продолжение брака на небесах.

Кризис веры – это часть социального кризиса на уровне мировой истории, где происходит деконструкция традиций и представлений, которые на них основаны. К человеку предъявляется требование постоянного социального движения: обучение, переобучение, повышение квалификации, непрофильное устройство на работу, кардинальное изменение профиля предыдущей работы и прочее. Те представители общества, которые не успевают за временем, остаются и вне активной социальной жизни, вне социального времени, замкнутые на застывшем фрагменте истории.

Благодаря развитию медицины и доступа к социальным благам мы увеличили продолжительность жизни, тем самым отсрочив смерть целых поколений. Но, как пишет Ж. Бодрийяр, территория, отвоеванная у смерти, остается «социальной пустыней» с расширенной системой иждивенчества и сегрегации [13. С. 290]. Опыт и знания, накопившиеся за годы трудовой жизни, оказываются ненужными, что для человека, выходящего на пенсию, означает социальную смерть. Связь между поколениями утрачивается без права на восстановление. Для молодых людей открыты огромные возможности по приобретению знания, остается лишь правильно вы-

брать достоверный источник. И обращение к пожилому человеку как источнику такого знания – маловероятно.

Главный упрек старости всегда состоял в том, что это возраст смерти. Пожилые находятся в опасной близости смерти. «Дамоклов меч», занесенный над головой каждого, оказывается, с точки зрения общества, наиболее приближен именно к пожилым. Праздной культуре современности претит даже сама возможность реальной угрозы смерти, которая несет с собой старость. В эпоху «счастливого индустриализма», как описывал Ж.-Ф.-Э. Шардуйе общество XIX в., нет времени заниматься смертью и умершими [14]. «Счастливый постиндустриализм» XXI в. базируется на том же положении, дискредитируя старость всеми возможными способами и зачастую в радикальных формах: старость должна уподобиться молодости или её не должно быть в общественном пространстве.

Чтобы образовавшаяся социальная пустыня современности была населена, необходимы изменения в представлении о социальном, что подразумевает снятие табу со смерти и непредвзятое отношение к старости. Но в то же время несправедливо требование пожилых по возвращению культуры прошлого и негативирование культуры настоящего. Гармоничное развитие общества возможно только при сохранении преемственности между прошлым, настоящим и будущим.

Смерть как общее дело

Смерть в настоящем перечеркивает любое будущее, всё представляя прошлым. Но благодаря ей возможно и восстановление временной связи, когда человек прикасается к результатам жизни и жизненному знаменателю другого человека и вблизи других. Н.Ф. Федоров говорит о том, что «человек есть существо погребаящее». Прощальные ритуалы – это не только социальная условность или гигиеническая необходимость. Подобные ритуалы выражают всю глубину человеческих отношений, служа основанием социальной солидарности и формируя «общее дело», которое направлено на воскрешение умерших [15. Т. 2. С. 64].

Дистанцируясь от религиозного символизма в этой позиции, укажем, что смерть – неустранимый факт общественной жизни, семейной и индивидуальной биографии. Часто замаскированная, она присутствует в общественной жизни, оставляя свои следы в пространстве, что и можно назвать «воскрешением», когда имеются попытки восстановления образа умершего в его связи с лицами, которые о нем помнят. Они готовы солидаризироваться, стать частью единой нефрагментированной общности.

Гегемония социального значительно отличается от общего дела как *дружественной кооперации*. Если в первом случае социальное означает управление мертвым материалом, где субъекты общественной жизни превращаются в массу, то социальное как общее дело означает солидарность, основанную на коллективных чувствах, а не на стихийных эмоциях. Дружественная кооперация возможна, если существует преемственность во времени, снижен темп жизни, предусматривающий возможность остановки – прижизненных

медитаций о смерти, *memento mori*, при которых становится возможной встреча человека с самим собой.

Э. Гуссерль, анализируя внутреннее сознание времени, приходит к выводу о взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего. Осознание прошлого в виде воспоминания содержит в себе, помимо «тогда-пережитого», и горизонт для будущего в сознании предугадывания. Прошлое и будущее влияют на образ настоящего – «сейчас воспринятого» [16. С. 56]. Призраки – это воссозданное впечатление от прошлого, застрявшее в настоящем и направленное в будущее; это бледная копия, которая ввиду отсутствия реального объекта претендует на существование. Это притязание на бытие никогда не будет реализовано, поскольку мертвое мертво единожды. Здесь мы исключаем всякий мистический компонент и говорим только о сознании и его продукции. Общее дело позволяет продолжить социальное существование умершего, что означает иное понимание социального бессмертия.

Ж. Деррида утверждает, что призрак – это нечто не присутствующее. Реализация цели, которую всегда ставил перед собой человек с периода своего осознания, – научиться жить, что означает умение жить сообща с призраками, учиться их понимать. Такое общение с призраками есть «политика памяти, наследования и отношения поколений» [17. С. 9]. Эта связь не предусматривает спиритуализма в смысле практики общения с душами. Это преемственность, которая подразумевает уважение к прошлому и ответственное отношение к будущему, необходимость считаться с жертвами войн, насилия, различных форм социального угнетения и подавления. И люди прошлого, и люди настоящего совместно творят общую историю.

Зачастую наши жизненные занятия, вместо того чтобы обеспечить связь с историей и обеспечить долгую жизнь, делают её короткой, не оставляя возможности для встречи с собой, но в то же время вселяют уверенность в социальное бессмертие, наполняя общественное пространство «социальными призраками». Общество предоставляет доступные занятия (работа), формирует круг ответственности и иждивенчества (семья), которые крепко связывают человека и общество, сделав его по возможности полностью социальным существом. Социальное становление – это связь между человеком и обществом, которая чем крепче, тем прочнее обосновывает себя как общество без смерти. Это общество, где смерти не остается места: она максимально табуирована. Чем больше в человеке социального, тем больше он сопротивляется смерти, но его социальная активность – это управление мертвыми структурами.

С повышением скорости жизни неминуемо растет и скоротечность всех жизненных событий. Траур, считавшийся выражением глубочайшей тоски по умершему, становится условным и даже лишним, если мы говорим о продолжительной поддержке эмоциональной связи с умершим. Бесспорно, право на скорбь все еще уважается, но лишь на скорую скорбь. Общество заинтересовано в том, чтобы обессмертить человека, как можно скорее табуировать смерть, нарушая временную преемственность. Сформулированная гипотеза подтверждается, но указывает на необходимость наметить пути решения проблемы. Поскольку смерть временно возвраща-

ет человеку целостность мировосприятия и способствует образованию специфической солидарности, она дает основание для образования дружественной кооперации, противоположной социальной массе. Осознанное отношение к смерти – это ключ к социальным преобразованиям в будущем, а также профилактическая мера против роста конфликтов между большинством и маргинализированными группами (меньшинством).

«Танатологическая реформа» в современности

Человек не только творец длительности, он безгранично ответствен за время, которое породил, или за то, что продолжает ввиду временного (исторического) наследования. Он никогда не может быть одинок, поскольку на каждом лежит груз истории, которая не есть только его личная или семейная биография. Человек, о котором мы должны говорить сегодня, – это социальный атом целостного общественного организма, участвующий в его работе и наполняющий его новыми социальными формами. Опасность заключается в потере преемственности, в частности, это хорошо видно по утрате традиции – «корней» и связи с ближайшим прошлым. Об этом свидетельствует даже тот небольшой факт, что дети сегодня больше осведомлены об истории древности, чем об истории недавнего времени – СССР. Причина этого явления в потере преемственности. Если мы говорим исключительно о прошлом, то это – «конец истории» и линейного исторического времени. Но преемственность также касается будущего, которое сегодня наполнено, с одной стороны, эсхатологией, а с другой – антиутопизмом.

Антиутопия – это жанр, получивший особое распространение в современном кинематографе, литературе, изобразительном искусстве, философии. Антиутопические сюжеты продолжают волну разочарования XX в., подхватив эстафету экзистенциализма, постоянно убеждают нас в том, что невозможно построить счастливого общества для равно свободных людей в условиях гегемонии социального. «Счастливый постиндустриализм» – продукт технического скачка, который, совершая прорывы во времени, оставляет моральное сознание позади себя. Это сознание совершенствуется не так быстро и содержит в себе «память смерти». Пока общество не начнет открыто смотреть в глаза смерти, оно всегда будет находиться в предвкушении «конца света».

Мы можем говорить о необходимости проведения «танатологической реформы» или кардинальной трансформации сознания общества, благодаря чему смерть должна стать реальной проблемой общественного и индивидуального сознания, что подразумевает снятие с неё табу, а также переосмотр ключевых аспектов социального в пользу дружественной кооперации. «Реформирование» может коснуться следующих направлений: 1) свободное от политики и религии искусство, которое открыто выражает новую коллективную чувственность, противоположную массовой; поощрение деятельного искусства, при котором мастерская для художника постоянно расширяется, изыскиваются новые формы художественного воплощения, например в сфере социальной рекламы, посвященной суицидальной теме; 2) наука, свободная от метафизических построений и мертвых категорий; актуализация коллективного научного творчества, наце-

ленного не на узкую специализацию, а на междисциплинарность и научное сотрудничество в области танатологии; 3) политика, нацеленная не на приумножение и количественный рост, а на сохранение и качество, восстановление преемственности между поколениями – «танатической памяти» (защита культурного наследия), включенность пожилых людей в активную социальную жизнь; 4) снижение правовой регуляции жизни и ориентация права не на ограничение свободы, а её максимизацию с последующим снижением уровня «танатической агрессии» – стремления к возмездию; 5) образование, которое ориентировано на рост ответственности и возможностей реального выбора; включение социальной танатологии в курс дисциплин профессионального образования, а также в качестве раздела при освоении предмета «Основы религиозных культур и светской этики» в школах. Танатологическое просвещение – необходимое звено в системе профилактики суицидов, поскольку отсутствие желания и возможности у учителей и родителей говорить на тему смерти образует притягательный ореол вокруг неё.

Необходимость перемен очевидна, поскольку на наших глазах образуются совершенно новое общество и человек. И в этом обществе должно найтись место для осознания смерти. Сегодня мы действительно обладаем необычайно длительной жизнью, и связано это вовсе не с увеличением продолжительности жизни среди населения, а с тотальной свободой, с помощью которой мы вольны создавать множество социальных форм длительности. Попробовать себя в самых различных сферах труда, не будучи привязанными к одной на всю жизнь. Не продолжать брак, который исчерпал свои возможности. Никогда не удовлетворяясь полученным образованием, постоянно открывать для себя новые области знания. Но тотальная свобода требует и тотальной ответственности, когда мы не просто увеличиваем количество созданных форм, а также наполняем их качественным содержанием, за которое несем ответственность. Это требуется для построения общества, где есть место смерти.

Литература

1. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994. 399 с.
2. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002. 557 с.
3. Thomas L.V. La mort. P., 1988. 125 p.
4. Morin E. L'Homme et la mort. P., 1970. 351 p.
5. Mora J.F. L'Expérience de la mort d'autrui // Le temps et la mort dans la philosophie espagnole contemporaine. Toulouse: Edouard Privat, 1968. 236 p.
6. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс, 1992. 528 с.
7. Levine S., Scotch N. The Dying Patient. New York, 416 p.
8. Bussièrès L. Évolution des rites funéraires et du rapport à la mort dans la perspective des sciences humaines et sociales. Ontario, 2009. 479 p.
9. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: КАНОН-пресс, 1998. 416 с.
10. Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Самообразование, 2007. 240 с.
11. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Сборник. М.: АСТ, 2002. 509 с.
12. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екб.: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 95 с.
13. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
14. Chardouillet J.-F.-E. Les Cimetières sont-ils des foyers d'infection? P., 1850.

15. Федоров Н.Ф. Человек есть существо погребаящее // Н.Ф. Федоров. Собрание сочинений в четырёх томах. М.: Прогресс, 1995. Т. 2. 544 с.

16. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. М.: Гнозис, 1994. 165 с.

17. Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал. М.: Ессе homo, 2006. 256 с.

Nikolay A. Borisov. Penza State University (Penza, Russian Federation)

E-mail: borisovnik7@yandex.ru

DOI: 10.17223/1998863X/39/8

A SOCIETY WITHOUT DEATH OR THE HEGEMONY OF THE SOCIAL

Key words: death, social, time, immortality, old age

The influence of the accelerated pace of life to social relation to death in contemporary society is considered in the article. Technology has liberated people from many routine tasks, leaving the possibility of creative life for them. However, released for creativity time is being mercilessly destroyed in society of consumerism and mass culture. Acute shortage of time creates a new image of society in which death has no place. Forms of social learning of space expand, creating a social escapism which is an escape from reality into the sphere of the social.

Death as the last bastion of reality is strongly ignored, and a society supports the socio-psychological setting of continuous social activity and productivity, which contribute to belief in overcoming of death, or social immortality. At the same time, society realizes the hollowness of such immortality, because nobody is exempt from physical death. People begin to experiment with reality, constantly generating new forms of duration: marriage is no longer seen as an eternal union, the work is not a place to which man is bound all his life. Contemporary man has an unusually long life, using countless possibilities.

Death is tabooed by both the acceleration of the pace of life and the growth of social in man. The breach of the taboo puts the marginal position all humans, who are touched with a death. The largest of this marginal groups are old-aged people. Being outside of the active social life, they inhabit «social desert» of contemporaneity, in which life is too close to death. Because of this proximity to a death old-aged people are exposed to all kinds of segregation and discrimination.

Aforesaid phenomena create a need for a kind of «thanatological reform», which will redefine the social in terms of mass and infinite acceleration in the pace of life in favor of friendly cooperation and temporal continuity. The reform involves changes in various areas: art, science, politics, law, education. Breaking the taboo from the death marks the total freedom and responsibility, when people do not simply increase the number of created forms, but fill them with qualitative content, for which they are responsible. Thus, a society has a proper place for a death.

References

1. Durkheim, E. (1994) *Samoubiystvo: Sotsiologicheskij etyud* [Suicide: A Sociological Etude]. Translated from French. Moscow: Mysl'.

2. Toffler, A. (2002) *Shok budushchego* [Future Shock]. Translated from English by V. Kulagina-Yartseva. Moscow: AST.

3. Thomas, L.V. (1988) *La mort* [Death]. Paris: PUF.

4. Morin, E. (1970) *L'Homme et la mort* [Man and Death]. Paris: Seuil.

5. Mora, J.F. (1968) L'Expérience de la mort d'autrui [The experience of other's death]. In: Hahn, G. (ed.) *Le temps et la mort dans la philosophie espagnole contemporaine* [Time and Death in Contemporary Spanish Philosophy]. Toulouse: Edouard Privat.

6. Ariès, P. (1992) *Chelovek pered litsom smerti* [Man in the Face of Death]. Translated from French by V.K. Ronin. Moscow: Progress.

7. Brim O.G.Jr., Freeman, H.E., Levine, S. & Scotch, N.A. (eds) (1970) *The Dying Patient*. New York: Russell Sage Foundation.

8. Bussièrès, L. (2009) *Évolution des rites funéraires et du rapport à la mort dans la perspective des sciences humaines et sociales* [Evolution of funerary rites and relation to death from the perspective of human and social sciences]. Ontario: Luc Bussièrès.

9. Rousseau, J.J. (1998) *Ob obshchestvennom dogovore. Traktaty* [On The Social Contract. Treatises]. Translated from French by A.D. Khayutin, V.S. Alekseev-Popov. Moscow: KANON-press.

10. Kropotkin, P.A. (2007) *Vzaimopomoshch' kak faktor evolyutsii* [Mutual Aid as a Factor of Evolution]. Moscow: Samoobrazovanie.

11. Ortega y Gasset, H. (2002) *Vosstanie mass* [The Revolt of the Masses]. Translated from Spanish. Moscow: AST.
12. Baudrillard, J. (2000a) *V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konets sotsial'nogo* [In the Shadow of the Silent Majority, or the End of the Social]. Translated from French by N.V. Suslov. Ekaterinburg: Ural State University.
13. Baudrillard, J. (2000b) *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic Exchange And Death]. Translated from French by S.N. Zenkin. Moscow: Dobrosvet.
14. Chardouillet, J.-F.-E. (1850) *Les Cimetières sont-ils des foyers d'infection?* [Are cemeteries a hotbed of infection?]. Paris: [s.n.].
15. Fedorov, N.F. (1995) *Sobranie sochineniy v chetyrekh tomakh* [Collected Works in 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Progress.
16. Husserl, E. (1994) *Fenomenologiya vnutrennego soznaniya vremeni* [Phenomenology of The Inner Consciousness of Time]. Translated from German by D. Sklyadnev. Moscow: Gnozis.
17. Derrida, J. (2006) *Prizraki Marksa. Gosudarstvo dolga, rabota skorbi i novyy internatsional* [The Ghosts of Marx. The State of Duty, the Work of Sorrow and the New International]. Translated from French by B. Skuratov. Moscow: Ece homo.